

The book cover features a central illustration of a young man with dark, wavy hair and blue eyes, wearing a dark, open-collared shirt. He has faint, cracked lines on his face and neck. His hands are positioned in front of him, with a small moth resting on his right hand. The background is a soft, hazy Parisian scene with the Eiffel Tower and a street lamp. The entire cover is framed by a lush border of pink, white, and dark blue roses, with several moths flying around. A diamond-shaped rating box is located in the upper right area.

18+

СЕРДЦЕ ПУСТОТЫ

Алиса
Джукич

Freedom. Чарующие миры Алисы Джукич

Алиса Джукич

Сердце пустоты

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Джукич А.

Сердце пустоты / А. Джукич — «Эксмо», 2026 — (Freedom.
Чарующие миры Алисы Джукич)

ISBN 978-5-04-250757-1

Альма Белроуз думала, что навсегда сбежала из особняка Дюбуа, но таинственное письмо заставляет ее вернуться. Новый работодатель девушки — загадочный и саркастичный Эрик Дюбуа. Их тянет друг к другу, но между ними стоит стена лжи: Эрик ищет убийцу родителей, а сама Альма хранит страшную тайну. Сможет ли их любовь расцвести, как сад, который девушка пытается спасти?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250757-1

© Джукич А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Хозяин руин	6
Глава 2. Письмо из прошлого	9
Глава 3. Ловушка	15
Глава 4. Нарасхват	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алиса Джукич

Сердце пустоты

Художественное оформление пинч.

Иллюстрация на обложке и в тексте Digital Wizards.

© Алиса Джукич, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. Хозяин руин

Призрак

Альма Белроуз пахла травой после дождя и жасмином. Ее цветочный магазинчик в центре Парижа точно отражал свою хозяйку – такой же яркий, благоухающий, всей душой тянувшийся к солнцу. Но мало кто знал, через какие бури ей пришлось пройти, чтобы наконец расцвести.

Нас связывало непростое прошлое. И вот теперь, опасаясь за последнее, что осталось от моей матери – увядающий с каждым днем сад, – я решил напомнить девушке о мрачных тайнах, которые десятилетиями копили наши семьи.

У прозрачной витрины с оливковыми рамами и фонариками как всегда толпились зеваки, разглядывающие причудливые растения, а внутри Альма собирала букеты, поглаживая лепестки анемонов так бережно, словно те были хрупкими крыльями бабочек. Она пританцовывала под музыку, которая звучала лишь в ее голове, а собранные в небрежный хвост рыжие волосы раскачивались в такт этим невидимым мелодиям.

Наверное, Альма была красива. Возможно, я даже смог бы влюбиться в ее стройное тело, усыпанное веснушками, в округлые линии груди и бедер. Но больше всего цепляли глаза девушки: огромные, цвета летних лугов, залитых ярким полуденным солнцем. Те самые малахиты, которые я запомнил в далеком детстве.

Но увы, как и все парижане, она меня сторонилась.

Фамилия Дюбуа давала ряд преимуществ, но на всех ее носителей ложилась тень прошлого. Из когда-то самой богатой и влиятельной семьи Парижа в живых остался только я. И лишь Альма хранила в памяти ключ – правду, способную раскрыть убийство Марии и Константина Дюбуа, прогремевшее на всю Францию шестнадцать лет назад.

Поэтому я здесь, у цветочного магазина Белроуз. Чтобы во всем разобраться и спасти не только сад матери, но и вернуть покой себе и ее душе, застрявшей в стенах особняка.

Поначалу я не верил служащим. После гибели родителей долго жил у тетки в провинциальном Ренне. Но возвращение в Париж, необходимость лично управлять винной корпорацией Дюбуа – все это заставило меня снова переступить порог родового поместья. И я лично убедился в мистичности происходящего.

По ночам в особняке выл ветер, словно загнанный в угол зверь, с грохотом хлопали двери, а люстры начинали произвольно дребезжать, распуская застоялую тишину. Бывало, из гостиной доносился звук, похожий на тихий, надрывный плач, разрывавший мою душу на части. Каждое утро я просыпался изможденным и сам постепенно становился похож на молчаливого и озлобленного на мир полтергейста.

Альма оставалась единственной, кто мог вытащить меня из личного ада. Ведь только ей было под силу воскресить сад особняка «Фантом» и восстановить справедливость, похороненную в нем годы назад. По крайней мере, так меня уверяла в оставленном письме покойная матушка.

Но согласится ли Белроуз вернуться туда, где когда-то зародились ее беды? Сможет ли заглянуть в изуродованное лицо мужчины, по чьей вине ее собственная жизнь оказалась на грани, и не отвернется ли, увидев в моих глазах отражение давно забытого ужаса?

Я обошел толпу, расстегивая длинный плащ. Весеннее солнце припекало, освещая невысокие бежевые фасады зданий. Стоило мне попасть в поле зрения людей, как они тут же начали расступаться, привычно пялиться и судачить.

К подобному «приветствию» я давно привык. Лишь немногие умели тактично игнорировать мои увечья – старые плотные рубцы от разбившегося стекла, украшающие левую часть моего когда-то совершенного лица. Но вот загоравшуюся в их глазах осторожность перед моей личностью игнорировать не получалось.

Конечно, имея за спиной целое состояние, я мог давно сгладить уродство. В двадцать первом веке пластическая хирургия шагнула далеко вперед. Но я не хотел прощаться с напоминованием о ночи, унесшей жизни моих родителей. Да и наркоз пагубно бы повлиял на мои, хм... дополнительные проблемы.

Незнакомцы расступились. Среди ярко разодетых парижан, радующихся наступлению весны, я выделялся черным пятном, предпочитая практичные и темные цвета.

– Это же Эрик Дюбуа, – прошептал кто-то в толпе. Старушка в шляпе-клоше испуганно спрятала за спину твякающую пушистую собачонку, напоминающую белый шар.

Меня узнавали не только как наследника многомиллионного бизнеса, но и как «мальчика, который выжил». И это не про Гарри Поттера. Подобное заставляло людей либо сторониться меня из-за глупых предрассудков и домыслов, либо восхищаться.

Даже не удостоив покупателей Альмы взглядом, я гордо прошествовал к двери магазинчика под красным навесом и толкнул ее рукой. Противное дребезжание колокольчика пришлось по нервам. Я не видел Альму шестнадцать лет, так что пришлось передернуть плечами, чтобы сбросить напряжение, прежде чем вступить в обитель растений.

Девушка стояла ко мне спиной у прилавка. Взобравшись на пластиковый табурет, она доставала с верхней полки витрины розовые ленточки, чтобы перевязать собранный букет.

В уютном магазинчике находилось трое покупателей, и все они, словно по щелчку пальца, принялись листать ленту в телефоне, чтобы не пересекаться со мной взглядом.

– Могу предложить добавить в букет пионы или гортензии, тогда он станет пышнее, – посоветовала Альма, спрыгивая с табуретки. Девушка резко развернулась, увидев меня возле цветущего фикуса. Ее алые губы приоткрылись от удивления, а нежная кожа лица потеряла здоровые тона. Пухлая блондинка, для которой собирали букет, благоразумно отодвинулась от прилавка, пропуская меня вперед.

Альма быстро заморгала, трепеща длинными ресницами, словно прогоняла наваждение или непрошеное видение, но я настойчиво не исчезал, высасывая своим присутствием воздух из ее легких.

Чертов дементор!

– Эрик... – на свистящем выдохе прошептала она и вытерла испачканные блестками ладони о фартук. Ее тонкий детский голос за годы изменился, став глубже и мелодичнее.

В голову непрошеной кутерьмой ворвались старые воспоминания: как Альма, примостившись на краешке дивана, тихо подпевала, когда я на всю комнату стучал по барабанам. Ее девичий голосок словно ниточка вплетался в грохот тарелок и гул бас-бочки. Она не пыталась перекрыть создаваемую мной музыку – Альма всегда была ее частью, тем тихим центром в самой гуще моего шумного мира.

– Доброе утро, мадемуазель Белроуз, – по-светски поздоровался я и подошел вплотную. Нас разделяли лишь деревянный прилавок и ужас, застывший в каждой ее черте.

– Вам... вам собрать букет? – заикаясь, спросила девушка и, порывисто поправив выбившиеся из хвоста непослушные пряди, попыталась выдавить из себя подобие улыбки. Ее точно сконфузило.

Я не стал утруждаться лицемерием и долгим вступлением перед основной причиной моего внезапного появления в размеренной жизни Альмы. Порывшись в кармане плаща, я с сотрясающим пространство хлопком положил на прилавок запечатанный конверт.

– Если только из гладиолусов ¹, – сухо бросил на прощание. Решив больше не мозолить шокированной Альме глаза, я развернулся на пятках и покинул этот светлый во всех смыслах магазинчик с кружащим голову ароматом цветов.

¹ Гладиолус – цветок памяти и скорби.

Глава 2. Письмо из прошлого

Роза

Эрик исчез так же внезапно, как и появился. Дверь за ним захлопнулась с необычайно громким звуком, выводя меня из одолевшего ступора. Но перед глазами все еще калейдоскопом сменялись картинки из детства: мы с ним играем под палящим солнцем во дворе старого особняка, он дует мне на разбитую коленку и заботливо мажет ссадину зеленкой, я засыпаю под звуки его любимой сказки, а потом тьма, выстрел, и я в одночасье лишаюсь тверди под ногами.

Тряхнув головой, я привела хаотично разметавшиеся мысли в порядок. Внимание привлек оставленный Эриком «подарок». Как ягоды белладонны, пожелтевший конверт излучал ауру смерти и манил прикоснуться к нему. Я было потянула к письму руку...

– Мне ждать свой заказ или нет? Между прочим, я за него заплатила. – Подбоченившись, вернулась к прилавку полненькая блондинка с багетом под мышкой, оборвав мой порыв.

– Извините, конечно. Одну минутку. – Одернув себя за растерянность, я перевязала стельки лентой и сделала идеальный бант. С отрепетированной учтивой гримасой продавца я передала букет возмущенной заминкой клиентке, но она лишь хмыкнула в ответ на любезность, забирая цветы.

Когда блондинка ушла, из подсобки выпорхнула моя сменщица и по совместительству лучшая подруга Натали. Горбясь, она несла к прилавку коробку с блестящей фольгой и насосом для шариков. Заметив мое озадаченное выражение на лице и трясущиеся руки, она уточнила:

– Выглядишь так, будто призрака увидела.

– Ага, точнее не описать, – не стала увливать я.

– Неужели Эрик Дюбуа объявился? Неожиданно... – Подруга грузно поставила коробку под прилавок и, выпрямившись, изогнула светлую бровь.

Мы дружили со времен приюта, когда обе в девять лет остались сиротами. Родители Натали разбились в автокатастрофе, а мои... Мама умерла от затяжной болезни, едва мне исполнился годик, а про отца я старалась не вспоминать, на то в моем прошлом были весьма веские причины. Натали вскользь знала о произошедшем в особняке Дюбуа и моем участии в трагедии. Я годами тщетно пыталась выкинуть из головы ту роковую ночь, поэтому мало кого посвящала в подробности, чтобы самой на них меньше заикливаться и учиться жить дальше. Однако подруге были известны мои опасения насчет Эрика, и то, что многие годы я, словно одержимая, постоянно ждала его возвращения.

– Как снег на голову... – буркнула я под нос. Хлопнув в ладоши, привлекла к себе недоумевающие взгляды посетителей и очень вежливо попросила их покинуть магазин. Пришлось объяснить несвоевременное закрытие тем, что я словила недомогание, а Натали занимается инвентаризацией.

Люди заворчали, но не стали перечить. Наверное, на моем резко побледневшем лице и так было все написано. Когда последний покупатель покинул магазинчик, я подошла к окнам и нажала кнопку автоматического опускания жалюзи, создав в комнате полумрак.

Натали наблюдала за происходящим молча, ковыряясь в коробках с украшениями.

Вернувшись к прилавку, я дрожащей рукой забрала с него конверт и прошествовала к стоящему в углу креслу. Тяжело осев на темно-зеленые бархатные подушки, на мгновение прикрыла глаза. Над ухом успокаивающе запела канарейка Грета, раскачиваясь на жердочке в клетке.

– И для чего сюда занесло мистера-загадочность? – Мои веки нехотя распахнулись, возвращая к насущным проблемам. Натали села на прилавок и прокрутила кончик белокурой косы. Ее голубые глаза испытующе прищурились в ожидании объяснений.

– Не знаю. Но, полагаю, ответы внутри. – Я помахала конвертом, словно веером, обдувая горящие от адреналина щеки. – Понимаешь, все это очень странно. Эрик Дюбуа... – голос дрогнул на имени, которое я давно не произносила. – В общем, я убеждена, что он, мягко говоря, меня недолюбливает. И вот он заявляется сюда в разгар рабочего дня спустя столько лет.

– Ой, хватит нагонять паранойю! Сомневаюсь, что Дюбуа принес тебе приглашение на смертельную дуэль. – Натали поправила съехавшую с плеча лямку рабочего фартука.

Я пристально вгляделась в конверт, будто могла видеть его содержимое.

– Аля, письмо тебя не съест! – Пока я сомневалась, подруга спрыгнула вниз и, ринувшись ко мне, выхватила послание. Натали возвышалась надо мной на целых две головы, и, пока я вставала с кресла, она вскинула вверх руку, не позволяя мне добраться до конверта.

– Эй, отдай! – возмутилась я до глубины души, но подруга уже зашла за прилавок, оттолкнув меня бедром. Пока я прыгала вокруг нее, как собачонка, Натали разломила восковую печать с гербом Дюбуа – меч, оплетенный виноградной лозой.

Зашелестела бумага, я вновь попыталась отобрать у подруги конверт, но она вовремя увернулась и развернула письмо.

Я обошла ее сбоку, заметив, как зрачки подруги начали расширяться, затапливая радужку черным океаном.

– Какого черта?! – выругалась Натали и застыла. Ловко крутанувшись, я умудрилась вырвать из ее рук конверт и вернуть себе послание.

Взор упал на изогнутый почерк на листе. Колени подогнулись, и если бы я вовремя не схватилась за край прилавка, то рухнула бы на пол. Обращенное ко мне письмо заканчивалось подписью женщины, на могилу которой я каждый год носила цветы.

Альме Белроуз,

Когда-нибудь ты прочтешь это письмо и несомненно удивишься, как точно я угадала твое будущее. Держу пари, ты работаешь ботаником или открываешь свой магазинчик флористики.

Сейчас тебе пять лет, и ты без ума от моего сада. Ты часами напролет проводишь время со мной, изучая растения. Еще ни у одного ребенка я не видела столь сильной тяги к цветам и приткого ума.

Надеюсь, сбылись все твои мечты, и ты выросла настоящей красавицей! Однако если ты держишь в руках данное послание, то это значит, что я не смогла воочию увидеть твои победы. Над нашей семьей нависла угроза, не знаю, справится ли Константин...

Я оставляла письмо у Эрика в комнате, прежде чем навсегда уйти из его жизни, с просьбой не открывать его до твоего двадцатилетия. Знаю, что мое время вот-вот закончится. Но я верю, что вы всегда будете так же близки, как в детстве, и, когда ты вырастешь, мой сад перейдет к тебе.

Только ты, rose², способна дарить моим цветам ту же любовь и заботу, справляясь с тайнами, хм... растительного мира. Хочется верить, что местные садовники за эти годы его не погубили. Ведь растения как люди:

² Rose – фр. Роза.

они чувствуют и слышат... А я знаю, что ты нужна моей семье и особняку «Фантом».

*С любовью,
Мария Дюбуа*

На глаза навернулись слезы, размывая контур написанного. Вспомнился стан высокой черноволосой женщины в роскошных брендовых костюмах, за которой всегда тянулся шлейф фужерных духов. Ее нежный голос, убаюкивающий меня перед сном.

Проморгавшись, я опустила взгляд ниже и зацепилась за более острый почерк, занимающий самый низ страницы.

Мамин сад умирает...

Ты знаешь дорогу. Меня не бывает в особняке с девяти утра до пяти вечера, так что я не помешаю твоей работе и жалованьем не обижусь. Сможешь расширить свой магазин или открыть еще несколько точек. Если тебя не интересуют финансы, то помоги восстановить сад хотя бы в память о Марии.

Код от замка 3:7

Эрик Дюбуа

* * *

– Хочешь, я поеду с тобой? – спросила на следующее утро Натали, стоя в полосатой пижаме на пороге нашей съемной квартиры. Цветочный бизнес приносил неплохие деньги, но бо́льшая их часть уходила на оплату аренды помещения в центре столицы, закупку самих растений и декоративных элементов. Поэтому мы ютились в ничем не примечательной двухкомнатной квартире на западе Парижа. Хотя вру, было одно очень даже весомое преимущество нашего жилья – отменный вид на парк с небольшим озером, поблизости которого гнездились черные лебеди.

– Нет. Твоя задача следить за магазином, принимать онлайн-заказы и не упускать постоянных клиентов, пока я занимаюсь реанимацией сада Дюбуа. – Я накинула на плечо ремень от спортивной сумки, доверху набитой садовыми принадлежностями: резиновыми перчатками, грабелями и удобрениями на все случаи жизни.

Под высокими ботинками скрипнула половица, когда я, попрощавшись с Натали, развернулась к лестнице. Однако, выйдя на улицу, пожалела, что не прихватила с собой куртку. Весна в Париже часто становилась причиной затяжных простуд: солнце согревало, но растрепавший мои рыжие кудри ветер с Сены пробирал до костей.

Пришлось заглянуть в боковое зеркало припаркованной возле дома машины, чтобы заплести косу и полюбоваться своим новеньким джинсовым комбинезоном и зеленой водолазкой под горло. К концу трудного дня вещам придет конец – их испачкают пятна от земли и сок растений, – но почему-то ехать в особняк Дюбуа в обычной невзрачной рабочей форме не хотелось.

Всю ночь я ворочалась с боку на бок и размышляла над тем, как стоит поступить. Отказаться и навсегда проститься с возможностью помириться с Эриком Дюбуа, не искушая себя возвращением в его жизнь, или ответить добром на тепло Марии, вместо матери растившей меня несколько лет?

Свою родную мать Маргарет я помнила лишь по выцветшим фотографиям из личного дела в приюте. Едва научившись ходить, я уже оказалась в семье Дюбуа – отец устроился туда поваром. Так что «Фантом» стал моим домом практически с пеленок, и именно поэтому я не

могла отказать Марии в ее последней просьбе – сохранить сад, даже если это означало вновь заглянуть страхам в лицо.

Вытащив из кармана телефон, я вызвала такси в приложении, отметив конечной точкой адрес моих прошлых кошмаров.

* * *

По пути к поместью Дюбуа погода окончательно испортилась. Таксист с пышными седыми усами то и дело поглядывал на затянувшееся серыми тучами небо через лобовое стекло и причитал, а я мысленно выстраивала план по работе в саду.

Когда мы съехали с асфальтированной дорожки на более узкую, ведущую в хвойный лес, меня качнуло вперед, и желудок сжался. Даже не смотря в окно, я знала, что вот-вот перед нами вырастет решетчатый забор с золотыми пиками, за которым прятался небезызвестный особняк из темного кирпича в стиле георгианских строений с гаргулями на крыше.

– Мадемуазель, вы не боитесь? Мало кто навещается в эти злополучные места по собственной воле. Обычно в особняк приезжают только редкие служащие да и сам хозяин, – попытался завязать разговор таксист и вильнул вправо.

– Я тоже здесь по работе. И вы говорите про жуткие слухи, витающие вокруг семьи Дюбуа?

Таксист закивал, коричневый берет слез ему на высокий лоб.

– Вранье это все. – Я скрестила руки на груди, словно защищалась от отголосков прошлого. – Парижане любят навешивать ярлыки на публичных людей для собственного развлечения и приукрашивать слухи.

– Ну как же, мадемуазель... Мария и Константин – демоны, не иначе! Только исчадия ада могли породить того, кто живет с осколком стекла в сердце!

У меня зашевелились волосы на затылке.

За многие годы отсутствия Эрика в столице что только о нем не надумывали и какие абсурдные сплетни не распускали. Однажды я лично слышала от пожилой покупательницы, что Дюбуа продал душу дьяволу. Якобы девятилетний мальчонка, только что вышедший из комы, приехал на страшный ритуал в Верхние Пиренеи, чтобы поддержать в ослабленном теле жизнь и отомстить обидчикам. И ее сестра Моника лично проводила обряд.

Совсем спятили!

– Люди любят красивые страшные сказки. Им проще поверить, что Дюбуа – монстры, чем признать простую истину: иногда жизнь причиняет боль, и никакие демоны для этого не нужны, – бросила я таксисту.

Старенькое Рено остановилось у ворот, и я мигом вылетела из машины, даже не попрощавшись с недалёковидным мужчиной.

Выдумки, это все выдумки! – мысленно убеждала я себя.

Таксист быстро уехал, обидевшись на мою прямолинейность. Я осталась стоять у ворот в одиночестве и крепко прижимать к себе спортивную сумку, как щит. На меня, точно клыкастая пасть хищника, смотрело старое поместье – ступи на его территорию, и оно тебя проглотит, поэтому я не спешила набирать код на замке ворот.

Однако я уже решила помочь Марии и деваться с «подводной лодки» было некуда, потому я протянула руку к замку и одновременно зажала семерку и тройку. Первые долгие секунды ничего не происходило, но потом красная кнопка на кодовом замке загорелась зеленым, и створки с протяжным скрипом отворились.

Я все же замялась. Мне не хватало духа войти туда, где словно сгущалась тьма, обволакивая земли поместья мрачной тяжелой аурой. Но и глупо стоять на входе, выказывая страх

перед домом, тоже не хотелось. Собрав в кулак последние крупницы храбрости, разбившейся о скалы прошлого, я с замиранием сердца толкнула ворота и шагнула на огромную территорию.

Внутри все перевернулось.

Трехэтажный особняк с овальными окнами и обсидиановыми колоннами, подпирающими винтажные балкончики, я преднамеренно обошла стороной, побоявшись, что, если надолго задержу взгляд на доме, то непременно сбегу.

Мощенная камнем дорожка вела меня мимо неработающего круглого фонтана, петляя вдоль кованых лавочек и мангала, пока не закончила свой путь у аркообразной калитки с завитками в форме позолоченных цветов.

В носу вдруг защипало от подступающих рыданий. Все, что я помнила о когда-то величественно-прекрасном саде Марии Дюбуа, навсегда умерло: цветущие весной деревья сейчас напоминали высушенные руки мертвецов, тянущиеся к небу, клумбы поросли сорняками, чайные розы, украшающие невысокий забор вдоль сада, почернели и осыпались, а воздух, некогда благоухающий пионами и жасмином, теперь пропитался пылью и гниением.

– Боже мой! – вырвалось из меня, когда я, открыв калитку, вступила в этот лабиринт запустения. Каждый высохший стебель словно впивался в меня невидимыми шипами. Я чувствовала их боль, слышала тихий, протяжный стон растений, идущий из самой глубины земли.

Дойдя до середины сада, где притаилась еще одна изогнутая скамья, я опустилась на колени и закатала рукава водолазки до локтей. Пальцы зарылись в сухую землю, точно пытались нащупать проблему, поставить диагноз умирающим растениям.

Сколько я так просидела, вслушиваясь в мертвую тишину удаленного от города поместья, – неизвестно. Но стоило шоку отступить, как я принялась доставать из сумки стеклянные колбы и лопатку, чтобы взять образцы почвы и растений.

За работой время вовсе перестало ощущаться, и я сумела полностью абстрагироваться от происходящего вокруг.

Закончив с почвой у кустарников, углубилась в бывшую розовую аллею, и тут мой взор зацепился за единственное живое пятно в этом царстве смерти. У подножия элегантной, выполненной из тонких прутьев железа беседки, почти скрытой увядшими побегами, благоухал идеально сформированный бутон алой розы. Он был неестественно ярок, будто выточен из рубина и орошен кровью. Ни единого темного пятнышка на лепестках, ни намек на увядание и гибель.

Сердце заколотилось в груди уже по-другому: не от страха, а от предвкушения решения проблемы. Я вновь опустилась на колени и потянулась к блестящему от росы цветку, и в тот миг, когда пальцы коснулись бархатистого бутона, по спине пробежал мокрый холод.

Осознание пришло с запозданием. Видимо, я настолько погрязла в работе и раздумьях, что не заметила, как по мне стекала вода, а спертый воздух больше не удушал. Обрушившийся бриллиантами на округу дождь прибил пыль, освободив от нее легкие.

Я заморгала, чтобы смахнуть с ресниц капли воды, так как руки были испачканы землей. Пока возвращалась в реальность, с надеждой взирая на выживший в саду цветок, рядом со мной послышались тяжелые шаги.

Минута – и заливающий меня дождь прекратился. Я вскинула голову и попала в пучину карих глаз.

Эрик Дюбуа, одетый в темное, практически черное пальто, нависал надо мной с раскрытым зонтом. Свободной рукой он стянул с себя верхнюю одежду и накинул пальто на мои подрагивающие плечи.

– Вы точно не демон? – Вероятно, потрясение отключило часть мозга, отвечающую за дедукцию и адекватность. По-другому я не могла объяснить, с чего вдруг интерпретировала нелепые догадки таксиста и слухи парижан в еще более бредовый вопрос.

Тихий смешок Эрика поглотил шум разбивающихся о зонт капель.

– Нет, хотя я люблю стейки с кровью. – Внезапно Дюбуа посерьезнел, не позволяя сморозить очередную глупость. – Добро пожаловать в мой мавзолей, мадемуазель Белроуз.

Глава 3. Ловушка

Призрак

Альма будто перестала дышать, уставившись на меня во все глаза. Как и обещал девушке, я вернулся из офиса компании ровно в пять, подтверждая свою выработанную с пеленок пунктуальность.

Вероника – невысокая пожилая женщина с густыми седыми волосами, работающая в «Фантоме» горничной уже более десяти лет, с порога набросилась на меня с возмущениями о том, что я не предупредил ее о госте.

– Разве мадемуазель Белроуз еще не уехала? – удивленно спросил я пяти минутами ранее и с щелчком закрыл зонт, стряхивая с него капли. Дождь безуданно барабанил по навесу над крыльцом.

– Нет. Уже минут сорок под ливнем в саду возится, – объявила горничная, перекрыв собой проход в дом. Вероника почесала затылок, искренне не понимая, что именно заставляло незнакомую девушку не покладая рук работать в такую непогоду.

– Приготовь теплую одежду и завари травяной чай, – скомандовал я. Горничная недовольно нахмурила высокий лоб, поэтому пришлось добавить: – Пожалуйста.

Вероника что-то буркнула мне в спину, но я не расслышал ее старческое ворчание из-за шума ливня и спустился с крыльца, снова раскрыв зонт.

Альму я нашел на аллее сада, глубоко погруженную в собственные мысли. Она нежно касалась кончиками пальцев лепестков живой розы и вздрогнула, когда я спрятал ее под зонтом.

– Простите, я уже собиралась уезжать... – после странного вопроса о «демоне» смущенно выпалила Альма. Меня совсем не удивило, что и до Белроуз дошли вздорные доводы горожан, но верила ли она им?

Пока я рассуждал, девушка внезапно подорвалась с колен. Мы оказались болезненно близко друг к другу. Ее джинсовый комбинезон напоминал грязную вымокшую тряпку, а под ногтями девушки черным скопилась земля. Заметив, что я надменно разглядываю ее руки, она рывком завела их за спину и задрожала.

От холода или смущения? А может, от всего сразу.

– Только заберу спортивную сумку. К слову, я взяла пробы почвы в самых загубленных участках сада, и если удастся завтра с утра отвезти колбы в лабораторию университета естествознания, то это положит начало всему восстановительному процессу. Виной поголовного увядания растений могут служить редкие ядовитые сорняки или вредители, а может... – Признаюсь, дальше я не слушал, сосредоточившись на пухлых, подрагивающих от холода губах девушки. Альма говорила без умолку, точно боялась, что, если остановится, я начну задавать вопросы, а может, таким образом старалась разрядить повисшее между нами в воздухе напряжение после стольких лет привычного игнорирования.

Чем пристальнее я смотрел, тем сильнее румянились ее щеки, а размазанная под глазами тушь и общий вымокший вид вызвали желание крепко обнять Альму и спрятать ее от всего мира. Как было всегда...

Я резко оборвал свои мысли, пока они не зашли слишком далеко, а затем остановил льющийся из девушки словесный поток:

– Боюсь, не получится.

– Что не получится? – озадаченно уточнила Альма. Она шагнула назад, но ее тут же окропил дождь, и Белроуз вернулась под зонт. От натиска стихии растения вокруг нас гнулись к земле, а сухие ветки деревьев с протяжным стоном ломались. Альма сожалеюще посмотрела на розу и, пока я не начал объясняться, развернулась и наклонилась к цветку, вновь подставляясь под обрушающиеся с неба капли.

Она вытащила из кармана целлофановый пакет и натянула его между соседствующими с розой мертвыми стебельками петунии, соорудив для нежного цветка подобие зонта.

Умилило ли меня это зрелище? Не знаю.

Мое сердце давно зачерствело, свыкнувшись с тем, что я не достоин любви и все, кто выкажет мне подобное чувство, будут рано или поздно разбиты горем.

Мне пришлось встать к Белроуз вплотную и наклонить собственный зонт, чтобы хоть как-то защитить девушку от непогоды.

Через минуту Альма выпрямилась и вдруг странно воззрилась на меня. Ее взгляд скользнул по моей белой рубашке, задержавшись на шраме, уходящем под воротник. Я сделал вид, что не заметил ее дрогнувшего горла, и больше не стал тянуть с разъяснением:

– Уехать сегодня. Напоминаю, что подъездную дорогу к особняку размывает от сильного дождя и требуется время, чтобы машины не буксовали в грязи. Мне пришлось оставить свой «Порше» на съезде с асфальтированной дороги и идти сюда пешком. – Подбородком я указал на свои ботинки и брюки, к которым налипла грязь. – Боюсь, вам подобный подвиг в одиночку не повторить, придется идти через лес, тем более уже смеркается.

– Но вы могли бы одолжить мне зонт и проводить...

Я вскинул руку, прерывая ее.

– В такую погоду такси за пределами Парижа придется ждать часами, а лично я возвращаться в город не планировал. Безопаснее будет переночевать в особняке. – Мой голос странно шелестел от напряжения, точно ветер в сухих кустарниках. Я одновременно желал загнать девушку в ловушку, напомнить об убийстве, растормозить ее, побудить раскрыть тайну смерти моих родителей и опасался остаться с Альмой под одной крышей. Ведь она могла узнать правду обо мне – увидеть меня жалким и сломанным.

– Я не вернусь в особняк, – твердо заявила Белроуз и отвернулась, кутаясь в мое пальто.

– Понимаю. Я тоже долго не мог переступить порог дома, где когда-то был счастлив. – Альма заинтересованно взглянула на меня через плечо. – Но страхи порождают не только темные воспоминания, иногда они взывают к возможности понять, что именно закалило нас. Они как боль – указывают на еще не зажившую рану, которая требует лечения.

Альма шмыгнула носом и слишком резко ко мне развернулась. Если бы не приличная разница в росте, наши губы непременно бы встретились, а так – Белроуз лишь приложила лбом о мою грудь.

– Ау, – простонала она, потирая место ушиба, а я застыл как вкопанный от этого будоражившего нервы звука. Была ли причиной моей острой реакции на девушку давняя тайна или тот факт, что я слишком долго не выпускал ее из головы, размышляя, как сильно она изменилась со временем?

Вернув самообладание глубоким вдохом, понял, что не смогу отпустить ее сегодня. Уж слишком сильно эта растрепанная девушка меня интриговала. А как давно я мечтал банально поговорить с Белроуз, но мы оба выросли слишком упертыми, слишком ранимыми...

Однако Мышинок должен был попасть в мышеловку.

– Ладно, зайду с козырей. У меня есть имбирное печенье и заварные эклеры, ты ведь их еще любишь?

Наградой за мой переломленный угрюмый нрав стала легкая улыбка Альмы.

* * *

– Просто не смотри туда, – посоветовал я Белроуз, оставляя сложенный зонт на пуфе возле входной двери.

Альма заламывала пальцы и, не моргая, вглядывалась в темноту коридора, ведущего к гостиной.

С тех самых пор в особняке мало что поменялось: все тот же темный паркет, скрипящий под ногами, тяжелые портьеры цвета вина, поглощающие дневной свет, раздвоенная лестница, устеленная мягчайшим ковром, дорогая мебель с золотыми ножками и застывшее в этих обшитых деревянными панелями стенах время.

Альма перевела взгляд на пылящуюся возле входа на кухню кривую фарфоровую вазу с орнаментом летящих птиц и вздрогнула. В детстве она случайно попала в нее мячом, разбив сие творение искусства на осколки. Она так горько плакала, что мне пришлось взять у отца в кабинете клей и собственноручно склеить вазу, пока родители не вернулись из магазинов. Получилось ужасно. Конечно, мать сразу заметила нашу «шалость», но акцентировать внимание на ней не стала, ведь мы не замечали следы, а пытались все исправить.

Отличная жизненная установка, но в реальности все выходит иначе...

Робко сняв мое пальто, Белроуз повесила его на рогатую вешалку, точно все еще сомневалась в правильности решения переночевать в особняке. Пока я избавлялся от грязной обуви, Альма защитно обхватила себя руками. Спасая от необходимости что-то говорить, в холле появилась взбудораженная Вероника и сразу перешла к делу:

– Мадемуазель Белроуз, я подготовила для вас комнату на втором этаже. И вот, – горничная продемонстрировала стопку одежды в своих руках, – позаимствовала у Эрика его старые подростковые штаны и футболку. Вы не переживайте, они выстираны и поглажены.

Передав заботу об Альме Веронике, я хотел ненадолго исчезнуть, чтобы привести мысли в порядок, ведь рядом с Белроуз они разлетались точно птицы, но стоило устремиться к лестнице, как девушка меня остановила:

– Вы обещали имбирное печенье, месье Дюбуа.

Я почесал гладковыбритый подбородок, как бы припоминая наш уговор.

– Конечно. Переодевайтесь, высушите волосы и спускайтесь на кухню, – после этих слов я все же удалился.

* * *

Через час в мою комнату наведальась Вероника, объявив, что мадемуазель Белроуз ожидает на кухне.

Сменив классическую белую рубашку и брюки на удобные серые штаны и черную футболку, я решил опробовать недавно приобретенный парфюм, распылив его на одежду, и поспешил к лестнице.

Моя спальня располагалась в конце третьего этажа и, спускаясь вниз, я не мог отделаться от мысли, какую из комнат предоставила Вероника Альме.

Ее детскую спальню? Вторую комнату моей матери или одну из многочисленных безликих гостевых?

Для лучшего погружения в момент автор рекомендует прослушать: Eilara I Don't Compete.

Когда я сошел с последней ступеньки, на кухне что-то неожиданно гроыхнуло. Позвоночник одеревенел, а легкие сжались, лишая организм кислорода. Я подготавливался к приступу панической атаки, но в этот раз болезнь обошла стороной.

Облегченно выдохнув, принялся массировать пульсирующие виски. Поэтому я избегал шумные вечеринки и компании, так как любой внезапный громкий звук переносил меня в прошлое. В день взрыва.

Переждав пару минут, я натянул маску безразличия и как ни в чем не бывало вошел в кухню, оснащенную по последнему слову техники.

На деревянном полу, рядом с островком, на котором дымились чашки с чаем, валялся виновник моей мигрени – огромная книга, раскрытая на странице с названием цветка Аконит. Альма стояла на барном стуле и тянула руку с телефоном к потолку.

– Что ты делаешь? – я позволил себе перейти на «ты». Обратиться иначе к девушке с двумя косичками в моей старой пижаме со Спанч Бобом не повернулся язык.

Альма развернулась ко мне и покачнулась. Сотовый выпал из ее рук, стукнувшись о пол, и, прежде чем она с визгом слетела со стула, я инстинктивно ринулся вперед и подхватил ее, не позволяя упасть. Одна рука оказалась под ее ребрами, а другая – на упругих ягодицах.

Веснушчатое лицо девушки смущенно вытянулось и покраснело, а я слишком глубоко вдохнул ее обжигающий нутро цветочный аромат, на мгновение растерявшись. Поэтому мы так и остались стоять посреди кухни, я – вдавливающий пальцы в ее тело, и она – намертво вцепившаяся в мою шею.

Прошли секунды, а может, минуты, удерживающие нас в оцепенении, пока смущенный голос Альмы не вернул нас в реальность.

– Что у тебя за парфюм? – вдруг ошарашила девушка, смешно чихнув. И еще раз. Маленький Йорк по кличке Мо-Мо – собачка приютившей меня тетки – чихала точно так же.

Оттаяв, я переместил сжимающую ягодицу руку на талию Белроуз и осторожно поставил ее на пол.

– Шанель Спорт.

Альма отступила на шаг и снова чихнула в сложенные ладони.

– Там лемонграсс, да? У меня на него аллергия.

Я развел руками, не зная, что делать: извиняться или бежать за таблетками к Веронике.

Альма потеряла резко покрасневший и припухший нос и, нагнувшись, подняла с пола телефон и книгу. Проверив оба предмета на «увечья», она довольно хмыкнула, взгромоздила их на стол и села на тот же стул, с которого недавно грохнулась.

– Не переживай. Если не будешь подходить слишком близко, все пройдет.

И снова «апчхи»!

– Завтра же их выброшу! – Не ожидая от себя столь бурной реакции на то, что именно я стал причиной недомогания Белроуз, обошел островок стороной, встав рядом с кухонным гарнитуром.

Альма мило хихикнула.

– Читаешь энциклопедию по ботанике? – я попытался завести непринужденный разговор, чтобы не напрягать друг друга молчанием и не вспоминать идеальные ягодицы девушки под своими пальцами.

Белроуз отпила из кружки чай и закинула себе в рот печенье из цветной коробки. Я только сейчас заметил, что рядом с ней стояла еще одна дымящаяся чашка.

Уголки моего рта печально опустились. Прошло слишком много времени – мы выросли и изменились. Альма не знала, что я терпеть не могу травяной чай, отдавая предпочтение более крепким напиткам или кофе, а я запомнил про чертов лемонграсс.

– Да. Должна же где-то быть подсказка или ответ на столь интересный случай. Вероника сказала, что за последние годы вы сменили нескольких садовников, но с их приходом сад только сильнее чах.

Мой короткий кивок подтвердил ее слова. Я нанимал самых опытных людей для ухода за «сердцем» особняка, но все они терпели неудачу, а их анализы почвы и пробы ничего не показывали, словно сад отказывался оживать в их руках, пока я не вспомнил про оставленное матерью письмо и не решился нарушить спокойную жизнь Белроуз.

– Смогла что-то узнать? – с надеждой поинтересовался я и завел руки назад, опершись ладонями на мраморную столешницу.

Альма расстроено пожевала нижнюю губу.

– Пока нет. Извини, Эрик. – Отлично, мы оба решили опустить формальности общества и говорить как друзья.

Повисла тишина, Белроуз вновь нырнула в книгу, с шелестом перелистывая страницы, а я вдруг поддался ностальгии.

– Помнишь, как мы по пятницам воровали у твоего отца кремовые заготовки на торты? Плечи Белроуз печально опустились.

– Умоляю, не надо. Если хочешь, чтобы я тебе помогла, пожалуйста, не напоминай о нем. *Что ж, у каждого был свой скелет в шкафу, не предназначенный для чужих глаз.*

Первая попытка разговаривать девушку провалилась, и я попробовал снова, делая ставку на более обыденные темы:

– Ты любишь кормить голубей на главной площади?

Альма от столь неожиданного вопроса дернулась. Да и я сам не понял, зачем решил уточнить именно это. Наверное, причина крылась в том, что я терпеть не мог птиц. Им всегда была подвластна свобода, которой мне так не хватало.

– Конечно. – Пожала плечами Альма. – Я ведь француженка.

– Они загадили памятник моему отцу у входа в компанию и крышу.

Альма поперхнулась чаем. Что ж, наш непринужденный разговор явно не клеился.

Я потупил взгляд в пол и отошел от столешницы, собираясь покинуть кухню. По дороге в спальню неплохо было бы заглянуть в винный погреб, чтобы расслабить натянутые нервы терпкостью напитка. Спать этой ночью мне явно не придется.

– Ты хотел узнать, что я делала? – Альма нервно постучала ногтем по столу, точно не желала меня отпускать. – Ловила связь. Лука и Натали, наверное, с ума сходят. Я обещала им, что вернусь домой до наступления темноты.

– Лука? – наигранно легко уточнил я, чувствуя, как внутри расцвела беспочвенная ревность к обычному парню без «заморочек». Странно все это, но вбитое гвоздем с детства в голову правило оберегать Альму словно пробудилось от ее близости.

– Мой парень.

– Понятно.

От отвращения я на секунду сморщил нос и нахмурил брови.

Альма отложила книгу, заметив, как меня скривило, и оживилась. За недолгое общение с ней приятно порадовал тот факт, что Белроуз совершенно не заботили мои шрамы. Будто пересекающих щеку, скулу и бровь уродливых рубцов не существовало вовсе.

– Что, Эрик? Удивлен, что на такую, как я, хоть кто-то клюнул?

И вновь я опешил, но не стал вестись на провокацию, дожидаясь объяснения выпада.

Альма обиженно надулась и потянулась за еще одним печеньем. С хрустом от него откусив, она тут же просияла, будто сладкое поднимало ей настроение.

– Ты меня рыжим пугалом все детство обзывал, – жуя напомнила она.

Смешок вырвался непроизвольно. Если бы с нами на кухне присутствовал мой лучший друг и одновременно бизнес-партнер Адриан, уличивший меня дважды за день за сменой кис-

лой рожи на улыбку, он бы вручил Альме медаль за столь редкий талант дарить мне положительные эмоции.

Прочистив горло от клокочущего там смеха, попытался соскользнуть с вновь поднятой темы воспоминаний.

– Как долго вы встречаетесь? – Я побрел к холодильнику, чтобы взять что-то, чем можно запить царапающую внутренности ревность. Хотя нет, скорее это была банальная зависть к Луке, к его возможности не врать Белроуз и просто быть рядом. Альма наблюдала за мной не спуская глаз, пока я раскрывал двустворчатые дверцы и вытаскивал с верхней полки виски.

– Полгода.

Откупорив бутылку, поставил ее на островок. Рядом с салфетницей стояли разного вида бокалы – выбрав подходящий, я плеснул в него виски.

– Шаткий срок, – подытожил я и пригубил опаляющую горло жидкость.

Альма поморщилась вместо меня.

– Не любишь алкоголь?

– Нет, – коротко ответила она.

– Я раньше тоже его сторонился. Однако в день совершеннолетия, получив винный бизнес, решил, что пора президенту компании влиться в ряды его клиентов. – Про то, что алкоголь помогал сдерживать приступы, я распинаться не стал.

Альма взяла в руки кружку с чаем, согревая ладони, и вдруг шумно втянула носом воздух, точно пыталась совладать с собой.

– А у тебя?

– Что у меня? – Лукаво прищурил глаза. Конечно, я догадывался о сути вопроса, но хотел подразнить Белроуз.

– Есть девушка?

– У меня много избранниц, но я ни в кого не влюблен.

Альма отпила чай и, поняв, что напиток заканчивается, расстроено заглянула в кружку. Подперев подбородок ладонью, она вновь поинтересовалась:

– Ищешь секс без обязательств?

– Можно и так сказать.

– Дерьмовая затея. Так вскоре перестанешь ценить искренность и чувства, – подытожила Белроуз.

Я сел на барный стул напротив девушки, предварительно отодвинув его подальше, чтобы вновь не стать причиной ее аллергии, и задумчиво покачал бокал с виски.

– Другого мне, увы, не остается. – Мои пальцы интуитивно коснулись гладкого рубца на подбородке.

Альма подалась вперед, со всей серьезностью сказав:

– Эрик, ты прекрасен, правда. Твои шрамы не уродство, а твоя особенность, так что...

– А вот тут стоп! – грубо перебил я девушку. – Как с твоим отцом, эта тема – табу! – мой голос упал, став угрожающе хриплым. Белроуз сжалась, но не спасовала, продолжая сверлить меня взглядом.

– Как скажешь.

Ночное безмолвие прокралось в комнату, окутывая нас мнимым спокойствием. Каждый из нас на время затерялся в лабиринте дум, пока я тихо не заговорил:

– Слушай, Альма, если мои прошлые подколы как-то тебя задевали, то прошу прощения. Уверен, Луке с тобой необычайно повезло. – На дурацком имени ее парня я поперхнулся в кулак. – Если бы меня попросили подобрать емко описывающее тебя слово, я бы не раздумывая сказал «шедевр».

Глава 4. Нарасхват

Роза

Комплимент Эрика еще звенел в гудящей от усталости голове, пока я, наплевав на гордость, упрашивала его сопроводить меня в выделенную Вероникой гостевую. Сначала она предложила занять мою старую комнату, но я не была готова так резко встретиться лицом к лицу с прошлым.

Горничная, должно быть, уснула, ведь мы просидели на кухне до часу ночи, а я наотрез отказывалась блуждать по особняку в одиночку.

Эрик согласился. Забрав с кухонного островка книгу, я побрела в темноту следом за ним, прижимая толстый томик к груди. Если бы мне год назад сказали, что я вновь окажусь в давящих со всех сторон стенах поместья Дюбуа, я бы покрутила у виска.

Но вот я иду по скрипучей лестнице дома, который изо всех сил старалась забыть. А ведет меня парень, по которому я долгие годы так сильно скучала и которого одновременно избегала.

В полумраке от тусклого света настенных бра все выглядело более пугающим. Казалось, что за портьерами кто-то прячется, картины в золотых рамках двигаются, а воздух сгущается, удушая.

Поднявшись на второй этаж, мы миновали статуи греческих богинь и добрались до дверей отведенной мне на ночь комнаты.

– Спокойной ночи, Альма. – Вновь попытался улизнуть Эрик, но, представив себя одну в тишине места, от жутких образов которого до сих пор бросало в дрожь, я невнятно протаторила:

– Останься со мной.

Густые брови Дюбуа от смтения сдвинулись к переносице, и я, не дав ему шанса откатиться, добавила:

– Пожалуйста...

Эрик замешкался, переступая с ноги на ногу, но все же ответил:

– Ладно, только схожу за другой книгой. Не в обиду тебе, но энциклопедия по ботанике не самое интересное чтиво перед сном, – небрежно бросил Дюбуа. Подождав, пока я войду в гостевую, он размашистым шагом направился обратно к лестнице.

Вернулся Эрик быстрее, чем я ожидала. Все, что успела сделать за время его недолгого отсутствия, – быстро осмотреть уютный интерьер с обилием бархата и золота, убрать энциклопедию в спортивную сумку у резной кровати и нырнуть под пушистое одеяло. Пока нежилась в постели, я все-таки умудрилась поймать связь, чтобы сообщить Луке и Натали, что со мной все в порядке, как Дюбуа вернулся в комнату и сразу направился к окну, чтобы закрыть штору.

– Отдыхай, Альма. А я постерегу твой сон, – Дюбуа говорил без иронии в голосе. Опустившись в кресло, он положил голову на правый подлокотник, чтобы видеть меня, а длинные ноги перекинул через левый.

– А ты? – Я поспешно подобрала одеяло под себя, обезопасив лодыжки от выдуманных монстров, которые могли прятаться под чужой кроватью. С трудом верилось, что я вообще разговариваю с Эриком Дюбуа. Ведь буквально утром я боялась даже подумать о нем, не то что делить с ним одну комнату. Но как же хотелось все наладить, вернуть то, что у нас отняло время. И наконец у меня появился шанс на искупление.

– Завтра выплусь, – отмахнулся Эрик и, раскрыв книгу, вынул из нее закладку в виде пера ворона.

Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть название романа, но, хлопнув в ладоши, Эрик погасил свет, оставив гореть только ночник рядом с его креслом.

Повернувшись набок, я подложила ладони под щеку и принялась наблюдать за Дюбуа, поглощенным чтением. Сна не было ни в одном глазу, но я не решалась докучать Эрику расспросами, хотя любопытство грозило взять верх над учтивостью. Мне было интересно все: закончил ли он школу с отличием, состоял ли в студенческом совете, увлекается ли по-прежнему верховой ездой и игрой на барабанах. А главное – хотелось понять, что из баек про Дюбуа правда.

– Эрик, почему ты думаешь, что тебя искренне никто не полюбит?

Он оторвался от книги, и его карие глаза, блеснув в сумраке, устремились на меня.

– С чего вдруг такие выводы? – сухо спросил Дюбуа.

– Из-за разговора на кухне. Ты так твердо заявил, что никого не любишь, будто сам боишься стать объектом чьего-то обожания.

Эрик вздорно хмыкнул.

– Осмелюсь напомнить, ты – флорист, Альма, не психолог.

Меня задело подобное холодное замечание, и я перевернулась на другой бок, спрятав от Дюбуа лицо.

– Знаешь, тебе нужен букет не с гладиолусами, а с розовыми розами ³, чтобы добавить вежливости раздутому эго, – проворчала я в подушку, заслужив раздраженный выдох Эрика.

³ Цветы для зазнак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.